

Рэнди Саутеру

Если честолюбивый человек задумает преобразовать на свой лад мир человеческих мыслей, мнений и чувств, он откроет себе тем самым дорогу к бессмертию. Все, что от него требуется, это написать и опубликовать совсем небольшую книгу. Ее название будет простым и ясным, всего несколько слов — «Исповедь моего сердца». Но эта маленькая книга должна быть абсолютно правдива. Ни один человек не отважится написать такое. Ни один человек не сможет этого написать, даже если и решится. Бумага будет коробиться и вспыхивать при каждом прикосновении пылающего пера.

Эдгар Аллан По, 1848

Пролог

ПРИНЦЕССА, КОТОРАЯ УМЕРЛА В СТАРОМ МЮРКИРКЕ

Она не была уроженкой Лондона, судя по выговору, она, скорее всего, не была даже англичанкой. Сара Уилкоккс. Сара Худ. Девятнадцати лет от роду, хрупкая и шустрая, как хорек, — ни особого блеска в глазах, ни особой красоты волос, тем не менее она была любимой служанкой госпожи, самой прилежной служанкой госпожи; она внимательно прислушивалась к тому, что проходили хозяйские дети на уроках французского, латыни, музыки, математики, истории королей старой Англии и Франции; к тому, как дети молились; пристально наблюдала за друзьями хозяйки в великолепных домах и королевских дворцах: как склонять голову, как слегка повышать голос, как томно поднимать очи горе, словно сам Господь взирает на тебя со своего небесного трона: ах, всего лишь невинное кокетство! Сара умела исполнять любое распоряжение госпожи прежде, чем оно было отдано, повиноваться приказам хозяина безропотно, без единого звука; казалось, она была начисто лишена собственной воли и, разумеется, какой бы то ни было хитрости, хотя даже само имя Сара не было ее настоящим именем, а по ее выговору было легко понять, что она родилась не в Лондоне и даже, похоже, не была англичанкой.

Однажды, нарядившись в самое изысканное шелковое платье хозяйки, украсив себя ее баснословно дорогими драгоценностями и вплетя в волосы хозяйкин

шиньон, Сара торжественно подплыла к ее зеркалу в золотой оправе и даже осмелилась точь-в-точь хозяйкиным голосом произнести: *Кто это там такой великолепный — маленькая Сара или ее хозяйка?* На что зеркало со смехом ответило: *Твоя хозяйка, маленькая Сара, никогда не выглядела так великолепно.* А вскоре после этого хозяйка в сопровождении свиты собралась посетить королеву Шарлотту, жену короля Георга III, в ее роскошном дворце в Уорикшире. На сей раз золотые монеты осели в глубоких потайных карманах Сары и вырезе платья на ее изящной маленькой груди, и она молила Бога: *Благослови меня, Господь!* Бог услышал мольбу, и ему ничего не оставалось делать, как повиноваться. На ее изящные тонкие пальчики слетелось множество перстней, шею обвили золотые цепочки, ожерелья из жемчуга, изумрудов, сапфиров, бриллиантов, рубинов; бархат и кружева, шелка и атласы задрапировали ее маленькую грациозную фигурку. Она смотрела на себя и улыбалась, смотрела — и плакала от радости, в ее миндалевидных глазах искрились лукавство и озорство, губы были сладкими, словно перезревшие, уже треснувшие сливы, ее детское еще тело — ловким и гибким, как тело угря, и все зеркала в личных покоях королевы Шарлотты кричали: «ВОТ САРА, БЛАГОСЛОВЛЕННАЯ БОГОМ!»

Она отправилась на восток, где ее никто не знал. Потом — на запад, где ее никто не знал. Огромная лязгающая почтовая карета пронесла ее на север, а оттуда Сара метнулась на юг, где ее никто не знал. И все же, когда над Дуврской дорогой взошла Венера, полиция опознала Сару по отороченному горносталям плащу королевы Шарлотты, ее высокому белому парику, шелковому платью, а также по жемчужному ожерелью хозяйки; Сара захлебнулась от яростных слез, когда грубые шершавые руки посмели прикоснуться к ней, — ибо разве не была она особой королевских кровей и не направлялась ли к своему горячо любимому отцу, который, прощаясь с

Принцесса, которая умерла в Старом Мюркирке

жизнью по другую сторону Ла-Манша, призвал Сару к своему скорбному одру, чтобы благословить ее прежде, чем смерть приберет его?

Неужели ее, любимую служанку своей хозяйки, могли принять за обыкновенную воровку, отвезти обратно в Лондон и предать в руки палача?..

Но вот уже предательским звоном выдали себя все ее золотые монеты, и сверкающие перстни соскользнули с пальцев; цепочки, жемчуга, ожерелья из драгоценнейших камней содраны с шеи (за исключением припрятанного благодаря ее нечеловеческой ловкости единственного золотого медальона на тоненькой золотой цепочке, принадлежавшего самой королеве); из глаз Сары, словно маленькие камешки, покатались злые непрошенные слезы, когда хозяйка в порыве раздражения изо всех сил ударила по лицу ее, знавшую прежде лишь хвалу и ласку. Сара кинулась в ноги хозяйке, моля о пощаде, она в кровь расцарапала себе грудь, предавалась самому жалобному раскаянию, возводила очи горе, твердила о своем умирающем во Франции отце, и наконец хозяйка смилостивилась, замолвила за нее словечко, попросив, чтобы Сару, вместо того чтобы повесить как обычную воровку на рыночной площади, на Чипсайде, отправили в Америку в качестве рабыни. Шел 1771 год.

После выпрошенного для нее любимой хозяйкой помилования Сара погрузилась в долгое забытьё, но очнулась с жестокими проклятиями на устах. Чтобы покарать, Бог забросил ее в открытое море на корабле «Мэйхью», в самую глубину темного трюма, где сам воздух, казалось, колебался от зловонных миазмов, где мужчины, женщины, дети, новорожденные непрерывно умирали в собственных испражнениях. И Сара Уилкокс, осужденная воровка, умирала среди них в возрасте всего-то двадцати лет. Умирала, захлебываясь собственной блевотиной. Умирала от дизентерии. От оспы, от тифа, от менингита, от муки, зараженной ядовитыми

личинками, от отравленной воды. Губы ее покрылись язвами, веки слиплись от гноя. Она умирала, давая жизнь существу, слишком слабому и тщедушному, чтобы выжить. Умирала, зная, что грудь ее слишком мала, чтобы давать молоко, и что ее дитя обречено на смерть. Куда подевалось все ее обаяние? Ни один мужчина и прикоснуться теперь не захотел бы к этому гниющему телу. Тем не менее сердце Сары было сжато, словно кулак, и глаза тускло мерцали из-под слюдяной пелены, когда она, преклонив колена, со слезами возносила молитву: *Господи, неужели у Тебя нет сострадания? Ведь я — раба твоя Сара, всегда Тебе повиновавшаяся, — заброшена одна-одинешенька в мир дьявола.*

Но во мне течет королевская кровь, упрямо шептала она, независимо от того, куда забросила меня сейчас злая судьба.

И Бог в бесконечной милости своей счел возможным превратить Сару в пронзительно кричащую морскую птицу, большую белокрылую чайку со злыми желтыми глазами, выклевывающую отбросы из кильватерной пены. Голод сделал ее алчной, самой быстрой и жесточкой в огромной стае, она, Сара, всегда наедалась досыта и набивала желудок впрок, похваляясь: *Во мне течет королевская кровь, среди какого бы смрада ни приходилось сейчас выживать.*

Дни сменялись ночами, солнце и луна играли на небе в догонялки, а в ней неотступно бушевала ярость, пока воздух над «Мэйхью» не стал черным из-за обилия птиц и многие недели плавания через океан не слились в один долгий час.

В Массачусетсе, в городке Марблхед, ее под именем Сары Уилкоккс продали некоему Иеремии Худу, колониальному чиновнику, согласно договору — на 28 лет. Она смиренно склонила голову и возблагодарила Бога и мистера Худа за милосердие. Спала она на тряпье, брошенном по-

Принцесса, которая умерла в Старом Мюркирке

верх угольной кучи, но во сне видела себя восхитительной золотисто-бронзовой змейкой, ловко вползающей на брачное ложе хозяина. Вскоре язвы и гнойники на ее губах исчезли, волосы снова стали густыми и светлыми, маленькие невыразительные глаза засветились лукавством, ибо Новый Свет оказался не *нов*, равно как не был *старым* Свет Старый — и кто еще мог претендовать на королевское достоинство здесь, где все были переселенцами?

Ее хозяйка Элиза Худ умерла морозным утром 1773 года; какой-то внутренний огонь, поднявшись к самому горлу, спалил ее, и теперь милая благочестивая Сара спала в широкой, с пологом, кровати хозяина, а Бог умильно взирал с высоты на молодоженов.

Монеты снова зазвенели в карманах Сары; когда она говорила, в ее речах слышалось нечто царственное, когда возводила глаза к небу, в них светилось королевское достоинство, когда она читала Библию, собрав вокруг себя всех слуг, она была королевой, и все благоговейно трепетали, глядя на нее. Старый Иеремия восхищался ее безупречным чистым сопрано, а во чреве у нее росло дитя, вскоре превратившееся, однако, в камень, и тогда старик раскаялся в своем грехе и попросил прощения у Бога, ему не была больше нужна ни ее латынь, ни ее французский, ни умение изящно вышивать, ни ее слезы; и вот уже Иеремия умирает от огня, сжигающего ему горло, а Сара незаметно исчезает из Марблхеда на исходе зимы 1775 года и скитается под фамилиями Йорк, Уинтроп, Тэлбот, ее длинные светлые волосы надежно упрятаны под мужской шляпой, а стройная женская фигурка умело облачена в мужской костюм. В Род-Айленде она азартно играет в карты, в Делавэре спускается на юг по реке, направляясь к умирающему отцу, — *чего ты ищешь, Сара? чего и где?* — в Мэриленде она демонстрирует восхищенной публике умение танцевать все придворные английские танцы, легко перебирая маленькими быстрыми ножками и высоко дер-

жа прелестную головку, ее сверкающие глаза излучают очарование юной женственности. В огромных зеркалах бальных залов Виргинии многократно отражается грациозная фигурка принцессы Сюзанны Кэрлайн Матильды, и могла ли столь обаятельная английская гостья не очаровать хозяев рассказами о своей сестре-королеве, шурине-короле и — ну, конечно же! ах! — о бесконечных придворных интригах?! Могла ли она не обворожить каждого, кто слышал ее безупречно чистое сопрано, ее искусную игру на фортепиано, ее очаровательный французский, правильную латынь, кто видел изысканность ее манер, ее царственную повадку?

Несмотря на то что был женат, сам галантный губернатор штата Виргиния стал ухаживать за принцессой Сюзанной, которая, не любя ни одного мужчины, любила их всех, а любя всех, не любила ни одного. Весь 1775 год и начало 1776-го она переезжала из одного дома в другой в качестве почетной гостьи, намеками суля надежду на свое королевское покровительство тем немногим счастливым, которым удавалось угодить ей. *Мы из тех королевских родов, что поддерживают себя сами*, со скромным достоинством заявляла принцесса Сюзанна всем богачам незнатного происхождения, великодушно даруя им привилегию осыпать свою гостью милыми дамскими подарками (чаще всего жемчугами, драгоценными камнями и золотыми безделушками), хотя никто не осмеливался, опасаясь оскорбить, открыто предложить ей взятку.

Но вот — это случилось весной 1776 года в одном из самых блестящих домов Чарлстона — в принцессе Сюзанне кто-то узнал Сару Уилкоккс, находящуюся вне закона рабыню, подозревавшуюся также и в убийстве.

Мог ли теперь оказаться полезным ее французский язык? Конечно, нет. А латынь? Не более французского. Равно бесполезными стали и ее изящная маленькая Библия в переплете белой кожи и медальон на шее (с портретом королевы внутри), и ее чистое ровное сопрано, и

Принцесса, которая умерла в Старом Мюркирке

все ее придворные сплетни. Однако, хоть на нее надели наручники, хоть она ослабела и была подавлена, хоть неизъяснимо страдала от грубых оскорблений тюремщиков, пленница все же сбежала, пока ее везли на север, и никто не знал, где она скрылась — разве что растворилась в воздухе!..

Теперь Господь являл милость Свою то бедному юноше по имени Дерхэм, то бледной белошвейке Бетани, то вдове Сюзанне Шепард, то Саре Лихт, тоже вдове двадцати шести лет от роду, бездетной, приехавшей из Буш-Крика, что в штате Мэриленд, и вышедшей осенью 1776 года замуж за молодого британского офицера, лейтенанта 16-го летучего драгунского полка Уильяма Уорда, вскоре погибшего под Трентоном. Любила ли его Сара? Нет. Горевала ли о нем? Не более часа. Потому что у нее было кого оплакивать в тот момент — свое умирающее, пожираемое лихорадкой дитя с деформированной головкой, крохотными пальчиками и перепончатými, словно утиные лапки, ступнями. Спасаясь бегством из Контракэуера от вооруженной факелами, вилами, винтовками пьяной толпы, преследовавшей и убивавшей предателей, выступавших против отделения американских колоний от Англии, обезумев от беспрестанно льющих слез, она кричала: «Гори огнем этот Новый Свет!» — словно то был Старый Свет! Потом вдовствующая миссис Уильям Уорд объявилась в одном из домов Вандерпоэла в качестве гувернантки, однако через полгода была уволена за «высокомерие, нечестивость и по подозрению в воровстве». О миссис Саре Уорд, деревенской акушерке, искусной и умевшей держать рот на замке, говорили, будто она — дьявольское отродье, потому что она не ведала неудач в родовспоможении, но никогда не радовалась рождению нового человека, крестя роженицу и новорожденного горькими черными слезами.

Чего ищешь ты, Сара? И почему ищешь так страстно? — укоризненно спросила ее собственная мать, явившаяся ей как-то ночью.